

КАК ВСЕ РАБОТАЕТ

Евгений Перминов

Как все работает

«Автор»

2026

Перминов Е.

Как все работает / Е. Перминов — «Автор», 2026

Инженер теряет всё, но обретает принцип: слушать Творца, а не людские правила. Санкции не страшны, когда ты под надёжным небом.

© Перминов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сто пятьдесят восемь из четырёхсот тринадцати	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Перминов

Как все работает

Как все работает

Введение

Лето стояло в Москве необыкновенное. Оно пахло не сахарной ватой из парковых ларьков, как полагалось бы по календарю, а расплавленным асфальтом и тихой, какой-то ветхозаветной нежностью ко всему живому. В конференц-зале головного офиса корпорации, носившей гордое имя, достойное покорителей вселенной, но занимавшейся, по существу, покорением бюджета, царила та духота, которую метеорологи называли бы «аномальной», а корпоративные психологи — «сплочённостью коллектива перед лицом неизбежного».

Заседание же было посвящено вопросу поистине галактической важности, а именно: «Разработка комплекса технических мероприятий по защите врачебной тайны для лиц с ампутациями верхних и нижних конечностей при создании бионических протезов с микропроцессорным управлением». Выражаясь проще, корпорация создавала суперсовременные руки и ноги, до такой степени напичканные электроникой, что любой мало-мальски грамотный хакер мог бы угнать чужой протез в цифровое рабство, и теперь лучшие умы собрались, дабы это решительно предотвратить. Ирония же заключалась в том, что сам факт отсутствия конечности у пациента, обёрнутый в три слоя грифа «совершенно секретно», был виден невооружённым глазом любому прохожему на расстоянии ста метров. Но корпоративная этика, как известно, дама строгая и не терпящая возражений, требовала: если у человека нет ноги, это ещё не повод отказывать ему в священном праве на бюрократическую тайну отсутствия этой самой ноги. И попробуйте возразить.

Кондиционер, разумеется, закапризничал. Впоследствии главный инженер, мужчина с печальными глазами и манерами человека, привыкшего объяснять необъяснимое, глубокомысленно заметил, что у сплит-систем данной модели существует уникальная технологическая особенность, а именно: безотказно работать при минусовых температурах за бортом, нагоняя в помещение арктический холод, и трагически, со стоном, умирать ровно в тот момент, когда столбик термометра за окном пересекает отметку в плюс тридцать. Это не поломка, заверил он, подняв вверх указательный палец, а «термодинамический протест против лета». Посему окна были распахнуты настежь, впуская в зал не только звуки большого города, но и его фауну.

Фауна не заставила себя ждать, явившись в образе жирной, наглой, августовской мухи. Она всплыла в помещение с грацией многоцелевого истребителя и, окинув собрание оценивающим взглядом, решила, что наилучшее место для акустического террора — зона прямо над головой заместителя генерального директора по производству. Заместитель, мужчина с военной выправкой и лицом человека, который производственный план даже в гробу выполнит, вооружился длинной металлической линейкой и начал священнодействие, напоминавшее древний ритуал изгнания бесов. Он выслеживал муху с упорством снайпера, делал молниеносные выпады, рассекал раскалённый воздух, пару раз чуть не сбил очки с директора по логистике, но насекомое, казалось, подписало сепаратный контракт с конкурентами. Каждый промах заместитель по производству сопровождал таким концентрированным взглядом, будто хотел немедленно внедрить в производство новую систему ПВО, специально заточенную под двукрылых.

Параллельно этому безмолвному эшкуну директор Департамента координации производства предприятий и диверсификации пытался бороться с зевотой. Получалось у него из рук вон

скверно. Он зевал так, словно хотел одним махом проглотить и муху, и заместителя с линейкой, и добрую половину повестки дня. И тут внезапно зевок перешёл в критическую, я бы даже сказал, катастрофическую фазу — челюсть у директора свело.

Лицо его застыло в гримасе безмолвного крика, рот открылся на ширину, достаточную для демонстрации всех пломб он мычал и вращал глазами, пытаясь вправить сустав обратно, пока сидящий рядом юрисконсульт с каменным лицом, не отрываясь от протокола, шептал ему: «Давайте я вызову охрану, это выглядит как несанкционированная диверсификация челюстно-лицевого аппарата». В зале повисла та пауза, которую можно было бы назвать драматической, если бы она не была столь откровенно стоматологической.

На этом фоне монотонный доклад заместителя генерального директора по безопасности звучал как колыбельная для смертников. Речь его лилась ровным, заунывным потоком: «...в соответствии с пунктом четыре дробь семнадцать приказа о межведомственном взаимодействии по неразглашению визуально очевидных, но юридически скрытых признаков бионизации конечностей...» Он говорил о «криптографической защите культи», о «токенах анонимности для голеностопных шарниров» и о том, что каждое колено с микропроцессором должно иметь такой уровень секретности, будто это вовсе не колено пенсионера Петровича, а чертежи ядерного чемоданчика. Венчал же эту канцелярскую симфонию анонс единого комплекса защитных мер, которому зам по безопасности, напустив на себя вид стратегического гения, присвоил кодовое имя «Египет». Едва слово сорвалось с его губ, подчинённые, прошедшие суровую школу корпоративного выживания, разразились тем самым одобрительным гулом, который включается у них на уровне спинного мозга, опережая любую попытку осмысления. «Масштабно...», — выдавил один. «Символично...», — поддакнул второй, мысленно уже прикидывая, не пора ли обновить резюме. На большее их фантазии не хватило, но для соблюдения ритуала этого было вполне достаточно.

Заместитель по безопасности благосклонно внимал, принимая жиденький фирмиам исключительно на свой счёт, хотя любой сторонний наблюдатель немедленно распознал бы в его отстранённо-мечтательном взгляде не прозорливость стратега, а банальную хронику отпускных грёз. Ибо когда он придумывал название «Египет», мысли его пребывали не среди пирамид и не в душных архивах древних жрецов, а в горизонтальной плоскости. Точнее — на лежаке у бассейна с морской водой дорогого закрытого пансионата, который не имел вывески и в ведомостях значился как «Объект размещения № такой-то», но среди постояльцев — бывших и действующих носителей погон, при погонах же и оставленных, — звался просто «Место». Место это было укрыто от посторонних глаз так же тщательно, как его личное дело от отдела кадров: высокий бетонный забор, шлагбаум и полное отсутствие названия, ибо настоящая элита не нуждается в брендировании. Название «Египет» родилось исключительно в его голове и, как всё, что рождалось в этой голове, было обращено в прошлое — в те благословенные, подёрнутые сизой ностальгической дымкой времена, когда он служил не в корпоративной безопасности, а в органах внутренних дел и когда оплата за билеты на отдых «туда и обратно» компенсировалась в полном объеме, причём «туда» легко могло означать и Хургаду, и Шарм, потому что выезд за границу был не привилегией, а само собой разумеющимся приложением к удостоверению.

Теперь же, когда зарплата позволяла купить пару тройку подобных пансионатов, а допуск к государственной тайне перечеркнул само понятие «загранпаспорт», вся география его личного Египта ужалась до отрезка между Архипо-Осиповкой и Джубгой, где море пахло не кораллами, а шашлыком, а единственной границей был забор соседнего «Объекта размещения № такой-то плюс один». Именно туда, в этот безымянный эдем, стилизованный под конспиративную явку с полотенцами «хаммам» и кондиционерами, работающими от одного его взгляда, он через неделю планировал сбежать от абсурда, который сам же возглавлял в части режима секретности.

О любовнице стоит сказать отдельно, ибо департамент по связям с общественностью в лице этой особы демонстрировал поистине образцовое целеполагание. С общественностью она связывалась постольку-поскольку, зато внутренние коммуникации с руководством выстроила на таком стратегическом уровне, что любой пресс-релиз бледнел и уходил в архив не востребованным. Её профессиональный профиль был столь же бесспорен, сколь и узок: она блестяще пиарила лично себя в глазах одного-единственного представителя топ-менеджмента, и надо признать, PR-кампания имела оглушительный успех. Зам по безопасности, мысленно перебирая не параграфы устава, а предметы её пляжного гардероба, уже представлял, как застегнёт на безупречной лодыжке браслет Cartier — не подделку из телеграм-канала, а настоящий, купленный в бутике с той самой кроваво-красной коробочкой, которая сама по себе служила пропуском в вечность. Браслет этот был не просто украшением: он был портативным алтарём их порочной связи, тонким золотым змеем, впивающимся в щиколотку с негромким, inferнальным щелчком фирменного замка — звук этот отдавал одновременно взводом курка и защёлкиванием наручника. На внутренней стороне браслета, там, где у обычных смертных гравировуют банальное «Love», у этого экземпляра по специальному заказу было выбито готическим шрифтом: «Memento quod es homo» — «Помни, что ты человек», — что в контексте их отношений читалось не как философское напоминание, а как издевательская резолюция на приговоре. Ибо, как человек его профессии, он превыше всего ценил контроль, а настоящий Cartier — в отличие от любовницы — имел серийный номер, и в случае форс-мажора его можно было отследить, заблокировать или предъявить в качестве вещественного доказательства. Так что «Египет» был для него не ребусом древней цивилизации, а всего лишь кодовым обозначением грядущего отпуска, где в закрытом баре под названием «Без названия» он будет потягивать виски, купленный на сэкономленные фонды оплаты труда, чувствовать на своей шее не гриф «совершенно секретно», а горячий шёпот любовницы и слушать, как на её лодыжке тихонько позвякивает золотой кандал, отбрасывающий зайчики на бетонный забор, — и в этих зайчиках, если приглядеться, можно было прочесть один и тот же вердикт: «Возврату не подлежит». Поддакивания подчинённых он пропускал мимо ушей, мысленно уже представляя хватит ли представительских, чтобы превратить номер «люкс» в персональный филиал загробного мира с охлаждённым шампанским, видом на море и полным отсутствием надежды на Исход.

И вот тут-то и произошло то, что в корпоративных анналах позже запишут сухим канцелярским языком как «инцидент с энтузиастом». Конструктор-изобретатель, на чьих чертежах держалась вся линейка коленных модулей, медленно поднялся со своего места. В его глазах плескалась не ярость, нет, а вселенская усталость творца, потратившего годы на то, чтобы научить протез шифровать свою суставную тайну. Он резким, каким-то пророческим движением сгрёб кипу бумаг — «Регламент конфиденциальности отсутствия правой стопы», «Акт о неразглашении пустоты в рукаве» — и швырнул их вверх. Белые листы взметнулись искусственной метелью, на мгновение скрыв и муху, и заместителя с линейкой, и директора с вправленной челюстью, словно сама канцелярия решила устроить маленький апокалипсис.

Конструктор шумно выдохнул, словно кит, которому надоело бороздить пучину корпоративного безумия, и проорал в сторону президиума голосом, в котором смешались трубный глас Иисуса Навина и интонации уставшего сантехника:

- Задолбали! Всё! Я увольняюсь! Выводите меня из этого Египта!

Случилось то, чего не смог бы предвидеть ни один учебник по антикризисному управлению. Сперва в зале повисла та тишина, какая бывает, когда брошенное слово ещё звенит в воздухе, а мозг отказывается складывать из него что-либо внятное. «Выводите меня из этого Египта» — мысленно повторил про себя руководитель отдела стратегического планирования, мужчина, привыкший из всего извлекать KPI, и вдруг замер. Он посмотрел на кодовое имя проекта, выведенное на экране жирным шрифтом, затем перевёл взгляд на свои наручные часы (подарок отдела на сорокалетие), и в его голове, словно бракованная презентация, зацикли-

лись два образа: исход евреев из фараонова плена и бесконечная цепочка согласования заявки на закупку скрепок. Сосед его, начальник департамента логистики, только что чуть не лишившийся очков от размахиваний заместителя по производству, тихо хмыкнул и прошептал в усы: «А ведь и верно... сорок лет по пустыне согласований...». Этого оказалось достаточно. Шёпот, точно вирус, пополз по рядам, обрастая смешками и недоумёнными переглядываниями. Ещё минуту назад «Египет» был гордым, чуть ли не сакральным именем проекта, завёрнутым в одобрителный гул подчинённых. Теперь же, выкрикнутое с интонацией Моисея, узревшего золотого тельца, оно предстало перед собранием в своей первозданной, убийственно нелепой наготе — не как код, а как точнейшая, доведённая до абсурда метафора бюрократического рабства, из которого самый талантливый сотрудник корпорации только что устроил публичный Исход, по дороге великодушно отказавшись от сорокалетнего блуждания по пустыне регламентов. И осознание это накрыло зал не грозной волной, а тихим, ядовитым туманом, в котором слова «масштабно» и «символично» сворачивались в трубочку и умирали, так и не достигнув губ.

В наступившей тишине, той самой, какая воцаряется, когда целая корпорация пытается осознать, что весь её стратегический ребрендинг абсурда только что назвали по имени, — было слышно, как муха, до того внимательно следившая за дискуссией, внезапно потеряла всякую ориентацию в пространстве. То ли от того, что библейский пафос достиг в конференц-зале критической массы, то ли от осознания, что даже ей, мухе, не выдержать градуса этого театра, она трагически, с коротким стуком, впечаталась в оконное стекло. Звук был характерный, напоминающий юридический казус, на всём лету разбившийся о суровую реальность.

Конструктор же развернулся и чеканным шагом, который сделал бы честь любому армейскому протезу, направился к выходу. Заместитель по безопасности замер с открытым ртом, видимо, тщетно пытаясь подобрать пункт регламента, описывающий действия при несанкционированном богохульстве в адрес кодового названия проекта. А где-то вдалеке, за стеной, кондиционер, почуяв, что драма достигла апогея, тихо и издевательски щёлкнул, запуская режим обогрева. Да, именно обогрева. И это было прекрасно.

Покидая конференц-зал, конструктор испытывал странное чувство, которое, если бы он был процессуалистом, назвал бы «прекращением дела за отсутствием состава преступления». Корпоративный Египет остался позади, и все его пункты, подпункты и грифа «совершенно секретно» превратились в пустой звук — не потому, что исчезли, а потому, что утратили над ним юрисдикцию.

Дорога домой длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы выветрился запах казённых чернил и кондиционерной горечи, и чтобы в сознании начал проступать иной регламент — тот, что не утверждён приказом, но исполняется неукоснительнее любого устава. Этот регламент как выяснилось чуть позже, существовал в виде папки с бантиком, которая дожидалась его под диваном.

Когда он перешагнул порог квартиры, смена процессуального кодекса произошла мгновенно. Секунду назад он был свидетелем по делу о защите врачебной тайны, а теперь стал ответчиком по делу о посягательстве на кондитерскую святыню. И если в корпорации он выбрал Исход, то здесь его ждал не суд, а немедленное приведение приговора в исполнение.

Глава 1. Сто пятьдесят восемь из четырёхсот тринадцати

Итак, конструктор вернулся домой. В прихожей пахло не ужином, не пирогами и даже не банальной яичницей — в прихожей пахло эфирными маслами, которые, согласно наклейке на бутылочке, «гармонизировали пространство и способствовали течению женской энергии». Женская энергия, надо полагать, в данный момент пребывала в состоянии абсолютного стазиса, потому что супруга конструктора восседала на диване в позе, которую антропологи будущего назвали бы «органическим срастанием с мягкой мебелью». Она была облачена в шёлковое кимоно, на лице покоилась тканевая маска с экстрактом чего-то крайне редкого и дорогого, а на журнальном столике лежал томик под названием «Магия внутренней богини: как принимать, ничего не делая». Рядом стояла аромалампа, издававшая запах пачули — аромат, при котором у конструктора начинала дёргаться левая бровь и просыпалась глубокая, иррациональная тоска по заводской смазке и запаху канифоли.

Она не работала. Даже не так: само слово «работа» в её присутствии считалось дурным тоном, чем-то вроде невымытой вилки на званом ужине. Она говорила, что «Вселенная должна изобиловать через неё», а муж, как главный проводник этой Вселенной, обязан был это изобилие обеспечивать, желательно в твёрдой валюте и без дурацких вопросов. Дом она не вела, потому что «быт блокирует чакру самовыражения», а готовку рассматривала как пережиток патриархального насилия, который, кстати, можно легко компенсировать доставкой суши за его счёт.

- Дорогая, - произнёс конструктор с порога, испытывая странную смесь гордости и лёгкого мандража, - у меня новость. Я сегодня эффектно хлопнул дверью. В фигуральном смысле дверью в конференц-зале. Представляешь, я им сказал: «Выводите меня из этого Египта», — и ушёл в закат. То есть на улицу. Я уволился.

Супруга не шевельнулась. Только ресницы, выглядывающие из прорезей маски, совершили медленное, величественное движение, так бабочка взмахивает крыльями, сидя на цветке, перед тем как решить, лететь ей на нектар или послать пчелу куда подальше. Она отложила «Магию внутренней богини» и сняла маску, явив миру лицо, которое, казалось, всю предыдущую ночь провело не на аудиенции у Клеопатры, а в цеху по отливке пластиковых манекенов — настолько оно лоснилось от гиалуроновой кислоты и выглядело пугающе-безмятежным, будто его накачали силиконом вместе со спокойствием.

- Милый, - сказала она тоном, которым обычно беседуют с ребёнком, притащившим с улицы бродячего кота в надежде, что это пони, — это, безусловно, очень эффектный жест. Только знаешь, в чём нюанс? У нас есть система.

- Какая система? — не понял конструктор.

- Наша с тобой система, — она изящным движением извлекла из-под дивана увесистую папку, перевязанную розовой лентой. На обложке значилось: «СВОД ПРАВИЛ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ. Утверждено Высшим Советом Осознанных Женщин. Внутренний документ, не подлежащий разглашению, оспариванию и даже поверхностной критике».

И тут конструктор впервые почувствовал себя персонажем, которого сейчас будут зачитывать по реестру.

- Вот смотри, — она открыла папку, и страницы зашелестели с тем сухим, деловым звуком, с каким шелестят бумаги в суде перед вынесением обвинительного приговора.

- В этом своде четыреста тринадцать пунктов. Это не я придумала, это универсальные законы о том каким должен быть настоящий мужчина, выведенные эмпирическим путём луч-

шими умами... ну, ладно, мной и Кариной из фитнес-клуба. Так вот, за время нашего брака ты умудрился стабильно выполнять лишь сто пятьдесят восемь из них. Понимаешь? Сто пятьдесят восемь. Это даже не средний балл. Это, знаешь ли, чуть выше плинтуса.

Она начала зачитывать, водя пальчиком с идеальным маникюром по строчкам.

- Пункт первый: «Настоящий мужчина обязан обеспечивать финансовый поток, сопоставимый с потребностями своей женщины, умноженными на коэффициент её спонтанных желаний». Пункт двенадцатый: «Настоящий мужчина каждое утро должен восторгаться внешностью своей избранницы, даже если она проснулась с причёской, напоминающей последствия небольшого торнадо». Пункт сорок седьмой: «Настоящий мужчина обязан помнить годовщины всех событий и точное содержание фразы, сказанной ею третьего марта в два часа ночи». Пункт двести тринадцатый: «Настоящий мужчина должен предугадывать её желания до того, как она их осознала, и реализовывать их в течение суток, не требуя благодарности».

Здесь она сделала паузу, чтобы перевернуть страницу, и посмотрела на мужа с выражением глубокого сожаления.

- И таких пунктов, милый мой человек, — ещё двести пятьдесят пять, которые ты систематически саботируешь. Но это ладно. В конце концов, никто не совершенен. Мы, женщины, терпеливы. Мы умеем ждать. Однако есть вещи, которые не прощает даже моя широкая богинья душа.

Она отложила папку и перешла к вопросу, который, очевидно, был главным пунктом повестки дня.

- Вчера ты совершил акт, который классифицируется как «умышленное причинение тяжких психологических страданий при помощи кондитерского изделия». Проще говоря, абьюз. Ты съел кусок моего торта. Священного ритуального торта «Прага», посвящённого исключительно моей внутренней богине.

Конструктор открыл было рот, чтобы возразить, что речь шла о куске, а не о целом торте, и что внутренняя богиня, судя по её внешним проявлениям, явно не голодает, но супруга жестом остановила его.

- Давай разложим это на правовые элементы. Гипотеза: в холодильнике, в зоне досягаемости мужа, находился объект высшей кондитерской категории, имевший особый сакральный статус «мой торт, и точка». Диспозиция: ты, как законопослушный супруг, обязан был провести идентификацию объекта, признать его неприкосновенность и воздержаться от любых действий, направленных на его поглощение, даже если тебя мучил голос, стучал зубами и умолял о последнем кусочке. Санкция: ты признаёшься нарушителем Статьи о Доверительном Партнёрстве и получаешь соответствующую метку - «абьюзер».

Она снова взяла паузу, томно вздохнула и отпила глоток матча из чашки, расписанной иероглифами, означавшими, как она когда-то объяснила, «женщина, которая не стирает носки, — проводник ци».

- И вот теперь, — продолжала она, — когда ты, совершив этот акт морального унижения, ещё и пришёл с новостью, что отныне наши доходы будут складываться из твоей гордо поднятой головы и пачки заявлений на биржу труда, я просто вынуждена сообщить тебе то, что зрело уже год. Я встретила Настоящего Мужчину. С большой буквы. С такого крупного шрифта, что он заслоняет собой горизонт.

Конструктор на мгновение ощутил, как его сердце совершило кульбит, но внешне остался спокоен. А супруга, войдя во вкус, продолжила живописать образ этого удивительного человека.

— Он — Директор Крупного Строительного Холдинга. Да-да, тот самый масштаб, та самая энергия созидания, те самые эскизы небоскрёбов на салфетках во время романтического ужина. Правда, — она чуть понизила голос и сделала лёгкое движение рукой, словно отгоняя несущественный дымок, — сейчас у холдинга такой период... Как бы это сказать... Сезонный

кэш-флоу-детокс. Гармонизация финансовых потоков. Короче, временный кассовый разрыв, который Вселенная обязательно закроет, потому что он — лидер, а не какой-то там исполнитель. И чтобы переждать этот разрыв, он временно, исключительно из стратегических соображений, подрабатывает в такси. Но ты не подумай ничего плохого — это не просто такси, это бизнес-класс, у него в машине есть салфетки и леденец для пассажиров. Он говорит, что так он ближе к народу и лучше понимает рынок городской мобильности.

Она прервалась, чтобы проверить телефон — как раз пришло уведомление от банка. И она, слегка нахмурившись, пробормотала:

- Кстати, о финансовых потоках... Он на днях попросил у меня небольшой бридж-кредит на апгрейд таксопарка. Двенадцать тысяч. Ну, то есть на чехол для руля из экокожи и ароматизатор с запахом премиального бизнес-джета. Я, разумеется, одолжила ему из твоих коленно-модульных отчислений, потому что, что для семьи важнее — чей-то там коленный модуль или психоэмоциональное равновесие моей новой жизни? Тут и думать нечего.

Конструктор сидел, впитывая эту симфонию, как заворожённый. Перед ним развернули удивительный механизм, где каждая шестерёнка цеплялась за другую с почти музыкальной точностью. «Как ловко, — думал он, — Где их только такому учат? На курсах повышения квалификации?»

Вот она, Гипотеза о Настоящем Мужчине: если в зоне досягаемости возникает субъект, способный без запинки выговорить слово «холдинг» и не бледнеть, управляя такси бизнес-класса, — то...

Диспозиция, элегантная как формула: женщина обязана считать данный субъект живым воплощением всех четырёхсот тринадцати пунктов технического задания на идеал. А то, что он временно пользуется её финансовыми ресурсами, — не баг, а тщательно выверенная фишка. Именуемая «инвестиции в совместное будущее и духовную близость». Муж же переводится в разряд «устаревшей модели мужа (УММ)», подлежащей списанию по акту о моральном износе.

Санкция — финал: муж остаётся один в квартире. Зато с бесценным опытом. И с полным, кристально ясным пониманием того, как гипотеза, диспозиция и санкция работают не только в затхлых учебниках, но и на живой, трепещущей практике.

Конструктор моргнул. Внутри его черепной коробки щёлкнул какой-то тумблер. Он прокрутил цепочку ещё раз. Гипотеза: появляется субъект, который не падает в обморок от управления чужим дорогим авто. Диспозиция: женщина обязана. Кому обязана? Логике? Обществу? Санкция: страдает муж. Муж. Который в гипотезе вообще не появлялся, как тень отца Гамлета, которую забыли позвать на репетицию. В гипотезе — холдинг-субъект и женщина. В диспозиции — её обязанность по обожествлению. В санкции — списание мужа. Где третий лишний? Почему правовое последствие наступает для того, кто не является ни субъектом условия, ни адресатом правила? Это как если бы за превышение скорости штраф выписывали не водителю, а его велосипеду, оставленному в гараже.

Конструктор наморщил лоб. Он чувствовал, что где-то в этом изящном силлогизме прячется чёрная кошка в тёмной комнате, которая ловко притворяется шрёдингеровским котом. Что-то было фундаментально, тектонически не так. Но что именно? Проверка на контроле: гипотеза — эмпирический факт (ну, условно). Диспозиция — предписание, дама обязана. Санкция — неблагоприятные последствия... для списанной модели. Логическая цепочка «если — то — иначе» превратилась в «если — то — а страдает вон тот дяденька, потому что инвестиции».

Он попытался ухватить ускользающую ошибку за хвост, но пальцы сжали лишь воздух, надушенный дорогим парфюмом чужой правовой аксиоматики. Внутри теплилось отчётливое, почти физическое ощущение: конструкция сломана. Причём сломана так виртуозно, что обломки сложились в узор, ещё более убедительный, чем оригинал. В этом узоре всё было гладко, всё блестело и пело. Но резьба была нарезана в несуществующем измерении.

«Я понимаю, что что-то не то, — прошептал Конструктор, глядя в стену. — Я почти вижу трещину. Она проходит прямо сквозь здравый смысл и упирается в слово «холдинг». Но я не могу её сформулировать, не могу её сформулировать, и от этого она становится ещё совершеннее».

- И главное, - сказала она, поднимаясь с дивана и начиная собирать свои вещи в ту самую двадцать пятую сумку, которую она как раз купила сегодня, — он даёт мне эмоции. Настоящие, неподдельные, как его водительское удостоверение. С ним я наконец-то чувствую себя Женщиной. Не домохозяйкой, не спонсором чьих-то инженерных амбиций, а Женщиной, ради которой мужчина готов провезти её с ветерком от Садового до Тверской.

Она накинула лёгкое пальто, подхватила папку с 413-ю пунктами, и направилась к двери. У порога обернулась и добавила:

- Ты не переживай. С юридической точки зрения ты, конечно, не дотягиваешь до критериев «настоящего мужчины», но как пособие по правоведению — просто идеален. Я тебе оставляю Свод. Изучи на досуге. Может, пригодится с кем-нибудь ещё. Если найдёшь ту, у которой всего пунктов сто не больше.

Дверь за ней закрылась не хлопком, а мягким, интеллигентным «чвак», каким обычно закрываются двери в отелях, когда гостя уходит в светлое будущее, слегка приправленное ароматом пачули и выхлопных газов такси бизнес-класса.

Конструктор остался в прихожей. Вокруг него витала тишина, и она была какой-то удивительно просторной, словно из комнаты вынесли не только жену и двадцать пять сумок, но и весь Свод Правил со всеми его подпунктами и санкциями. Он подошёл к холодильнику, открыл дверцу. Пусто. Только одинокая лампочка освещала полку, где ещё вчера стоял тот самый торт. Но сейчас это была свободная полка. Гипотеза исчезла. А раз нет гипотезы — не может быть ни диспозиции, ни санкции. Он поставил чайник, ощутив себя не прогоревшим бедолагой, нет, а пионером, только что приступившим к освоению неизвестных материй, о сути которых сам пока не имел представления.

Глава 2. Квантовая механика коллективной эмпатии

Утро началось не просто хорошо — оно началось с физического ощущения, что гравитационная постоянная Земли за ночь уменьшилась на добрую треть. Конструктор открыл глаза и, ещё не успев осознать себя в пространстве, почувствовал странную, почти космическую лёгкость. Так, наверное, чувствует себя отработанная ступень ракеты, отделившись от основного носителя и отправляясь в свободный, никем не регламентированный дрейф по орбите — бессмысленный с точки зрения Центра управления полётами, но кристально честный с точки зрения физики. Его больше никто не контролировал. Его больше никто не оценивал по четырёхсоттринадцатibalльной шкале. Балласт был сброшен.

Он встал, сделал зарядку, впервые за много лет без ощущения, что каждое отжимание проверяется на соответствие пункту 87 — «Настоящий мужчина обязан иметь рельеф, сопоставимый с рельефом греческого бога, но не выпячивать его, дабы не провоцировать неуверенность у партнёрши», выпил кофе и решил выйти прогуляться. Не потому, что надо было куда-то идти, а просто потому, что мир внезапно оказался местом, куда можно выходить без предварительного согласования маршрута, цели и бюджета.

Двор встретил его солнцем, пением каких-то наглых птиц и тем особым утренним светом, который делает даже типовую панельную застройку похожей на эскиз к ненаписанному архитектурному шедевр. У подъезда на лавочке уже дежурили стратегические силы соседского общественного мнения в лице трёх пенсионерок и одного вечно безработного, но исключительно информированного гражданина в растянутых трениках. Конструктор поприветствовал их лёгким кивком и открыл было рот, чтобы поздороваться, как вдруг заметил нечто удиви-

тельное: соседи смотрели на него не с сочувствием, не с пониманием и даже не с банальным человеческим любопытством, а с тем самым выражением, с каким обычно смотрят на человека, который, по слухам, лично изобрёл бытовое насилие и запатентовал его в особо циничной форме.

- Идёт, идёт, - прошелестела баба Зина, поправляя очки таким движением, будто прицеливалась из снайперской винтовки. - И хоть бы что. Хоть бы одна слезинка.

- А что ему, - подхватила баба Галя, складывая руки на животе в позиции «вселенская скорбь», — они все такие. Сначала отабызуют, а потом ходят, улыбаются. А она, бедняжка, год терпела. Год! Я сама видела, как она от него выходила — бледная, худая, одни глаза.

- И сумки, — вставил гражданин в трениках, поднимая палец вверх с видом эксперта-криминалиста, — двадцать пять сумок. Это ж сколько ей пришлось тащить? Вы представляете, какой стресс? Она ж хрупкая женщина, а он её заставил двадцать пять сумок носить. Явно подавлял.

- А я ей говорила, - встряла третья старушка, имени которой конструктор не знал, но подозревал, что оно зафиксировано в мифах как минимум Древнего Шумера, — я ей ещё весной говорила: «Лизонька, уходи от него». Помню, сидит она тут на лавочке, плачет, а он, главное, дома сидит и не выходит. Игнорирует.

- Это он сейчас такой весёлый, — резюмировала баба Зина, — а ты вспомни, как он запозавчера торт ел. Машка с пятого этажа нам все уши прожужжала — откуда она такие подробности черпает, уму непостижимо, но уж врать не станет. Один. Целый кусок. А она в это время, наверное, голодная сидела, на диете, для него старалась, фигуру блюла. Он ест, а она — страдает. Вот так-то.

Конструктор выслушал эту кантату молча. В нём боролись два желания: первое — подойти и объяснить, что торт был съеден не запозавчера, а позавчера, что кусок был строго один и тот — последний, уцелевший после того, как она сама, не выдержав добровольной диеты, купила этот самый торт и умяла три четверти за вечер, что диета была исключительно её инициативой, а Лизонькой её, последнее время как правило никто не называл с тех пор, как она сама переименовала себя в Элизабет в честь королевы-девственницы, но потом передумала в честь актрисы из бразильского сериала. Второе желание — рассмеяться. Победило третье: он просто пошёл дальше, ощущая, как каждый шаг становится всё легче и легче.

«Поразительно, — думал он, сворачивая в сторону парка, — как точно работает механика коллективной эмпатии. Субъект А совершает измену — это не просто факт, это конфиденциальная информация, доступная всем, но требующая особой интерпретации. Субъект А также занимает двенадцать тысяч рублей из семейного бюджета на ароматизатор для такси бизнес-класса — это акт инвестиционной свободы. Субъект А покидает место жительства, прихватив двадцать пять сумок, — это исход угнетённой души. Субъект Б съедает кусок торта, увольняется с работы и остаётся в квартире, — и это уже не просто субъект Б, это Кромвель, Чингисхан и Синяя Борода в одном флаконе. И главное — никто не спрашивает, кто кого отабызил. Вопрос решён на уровне коллегиального бессознательного: женщина априори страдает, мужчина априори виноват. Это даже не юриспруденция, это какая-то квантовая механика, где наблюдатель определяет реальность задним числом».

Он усмехнулся и вдруг поймал себя на том, что его походка изменилась. Она стала не просто лёгкой — она стала какой-то первобытно-стремительной, словно каждая клетка тела вспомнила, как двигаться без оглядки на внешние регламенты. И в этот момент, словно по заказу ассоциативного ряда, память вытащила из глубин подсознания сцену, которой было уже лет двадцать пять, но которая сейчас обрела совершенно новое, почти пророческое звучание.

Лето. Дачный посёлок. Компания подростков, решивших, что коллективного просмотра «Секретных материалов» на стареньком видеомагнитофоне и пары серий «Твин Пикс», записанных на кассету, для остроты ощущений уже недостаточно и пора переходить к практиче-

ской некромантии. Они шли на местное кладбище вызывать дух Ленина. Почему Ленина? А кого ещё вызывать детям девяностых, у которых портрет вождя всё ещё висел в школьном кабинете истории, а бабушкины рассказы про «дедушку Ленина» создавали вокруг него ореол мистического, но не до конца страшного мертвеца? Из всех авторитетных покойников, способных явиться на зов, Ильич казался самым безопасным вариантом — по крайней мере, они так думали.

Трое друзей, один из которых — будущий конструктор коленных модулей, а пока просто Коля, мальчик с обострённым чувством эксперимента, — пробирались среди покосившихся крестов и зарослей лопухов, достигавших им почти до пояса. Ночь была та самая, какие обычно показывают в фильмах про начинающих идиотов, решивших, что контакт с потусторонним — это хорошая идея для вечера вторника. Луна висела над кладбищем тяжёлая, жёлтая, словно старый фонарь, забытый кем-то на чердаке, и освещала всё тем самым светом, при котором даже собственная тень кажется подозрительным незнакомцем.

Вооружены они были до зубов, если под оружием понимать предметы совершенно для битвы с нечистой непригодные. У Коли в руке дрожал фонарик — старый, с динамо-машинкой, которая требовала постоянного, ритмичного нажатия на рычажок, и потому свет подавала нервный, прерывистый, словно сам фонарик до смерти боялся того, что освещал. У Димона в кулаке была зажата мятая страница, вырванная из журнала «Голос Вселенной» — того самого номера, где на обложке красовался рисунок призрака с трагически задранными руками. Третий участник, Пашка, тащил с собой магнитофон «Электроника», позаимствованный у старшего брата, — он свято верил, что запись голоса духа сделает их знаменитыми, а пока что магнитофон издавал только шипение и периодически зажёвывал плёнку.

Остановились они возле вырытой могилы. Это была не метафора и не случайный выбор — могила действительно оказалась свежеврытой, с аккуратным прямоугольником чёрной земли, сложенной горкой у края, и с той тишиной вокруг, какая бывает только у ям, предназначенных для завтрашних похорон. Никто из троих не хотел признаваться, что от этого зрелища у него внутри что-то сжалось до размеров горошины, но шаг они замедлили синхронно — чисто инженерная солидарность будущих трусов.

Впрочем, Димон быстро взял себя в руки, точнее, в голос, и объявил, что свежая могила — это идеально, потому что энергетика разрыва между мирами тут тоньше, и вообще так в журнале написано. Журнал, конечно, молчал о таких деталях, но кто ж его проверять будет посреди ночи?

Первым делом очертили охранный круг. Инструкция из рубрики «Как вызвать духа: пошаговая инструкция» предписывала использовать мел или соль, но ни того ни другого у них с собой не оказалось, поэтому круг чертили найденной тут же палкой, старательно процарапывая в земле борозду. Получилось нечто среднее между овалом и огрызком картофелины, но Димон авторитетно заявил, что геометрия тут не главное, главное — намерение. Коля, как будущий конструктор, хотел было возразить, что геометрия, вообще-то, всегда главное, но вовремя осознал, что спорить с верховным жрецом на краю вырытой могилы — не лучшая идея, и промолчал.

Затем Димон извлёк из кармана ту самую мятую страницу, бережно расправил её на колене и, подсвечивая Колиным фонариком, который именно в этот момент начал предательски затухать, требуя очередной порции динамо-нажатий, принялся читать заклинание. Заклинание было написано корявым шрифтом, имитирующим старинный манускрипт, и изобиловало словами вроде «прииди» и «яви лик свой пред очи наши». Произносить это всё следовало замогильным голосом, но у Димона, в силу переходного возраста, замогильный голос периодически срывался в петушинный фальцет, что несколько размывало торжественность момента. Пашка тем временем нажал кнопку записи на магнитофоне и застыл, боясь дышать, а Коля, чей научный склад ума проявлялся даже сейчас, пытался просчитать вероятность успеха. Выхо-

дило по-прежнему не очень, но он утешал себя тем, что отрицательный результат — тоже результат, и вообще, завтра в школе можно будет сказать: «Мы вызывали дух, и кое-что произошло». Что именно «кое-что» — пока не уточнялось.

Закончив чтение, Димон сделал паузу, обвёл поляну взглядом, в котором смешались страх, гордость и желание немедленно оказаться дома под одеялом, и, набрав в грудь побольше воздуха, произнёс зычным, насколько позволял ломающийся голос, басом:

— Дух Ленина! Ты здесь?

Тишина. Ветер лениво качнул верхушки лопухов. Где-то каркнула ворона с таким профессиональным цинизмом, будто работала в этом театре не первый сезон и уже знала сценарий. Коля затаил дыхание и нажал на рычажок фонарика три раза подряд, отчего свет нервно замигал, словно азбукой Морзе передавая сообщение: «Спа-си-те». Никто не явился. Пашка покосился на магнитофон — плёнка крутилась, записывая лишь шорох ветра и отдалённый лай собак.

Димон нахмурился. Осечка после первого вопроса — это было ещё терпимо. Духи, как известно, существа занятые, могли и не расслышать с первого раза. Он откашлялся, бросил на товарищей взгляд, который должен был означать «спокойно, всё по плану», и повторил уже громче, с той требовательной интонацией, с какой вызывают к доске завуча:

- Дух Ленина! Если ты здесь, подай знак!

Снова тишина. Но теперь какая-то другая — плотная, ватная, словно само кладбище затаило дыхание. Даже ворона, кажется, перестала каркать и пересела на ветку повыше, чтобы не пропустить самое интересное. Пашка прошептал, не отрывая губ от микрофона магнитофона: «Может, он на обед ушёл? У них там, в мавзолее, наверное, режим...» — но Димон пресёк эту крамолу таким взглядом, что Пашка предпочёл бы, чтобы на него посмотрел сам Ленин.

И тогда верховный жрец, он же Димон, он же обладатель трёх с половиной волосков над губой, решил на третий, последний, решающий вызов — тот самый, после которого, согласно инструкции, дух уже не имеет права отказать. Он широко расставил ноги для устойчивости, вскинул голову к жёлтой луне, набрал в лёгкие столько воздуха, сколько позволяла диафрагма двенадцатилетнего курильщика со стажем в одну сигарету, выкуренную тайком за гаражами, и уже открыл рот, чтобы обрушить на потусторонний мир всю мощь своего ломающегося баса...
...но не успел.

Потому что из-за старого гранитного надгробия, из самой гущи кладбищенской сирени, раздался голос. Голос был хриплым, пропитым, пропитанным махорочным дымом и той особой мудростью, которая приходит только после многолетнего изучения дна жизни. Голос произнёс всего два слова, но каких:

- Я здесь!

Школьная программа по ОБЖ и биологии, которую они кое-как осилили, утверждала, что духи не существуют. Практическая реальность, однако, только что издала звук, и этот звук явно был знаком с похмельем. В тот момент, по единодушному свидетельству всех участников эксперимента, произошло несколько событий одновременно.

Во-первых, был сброшен балласт. Прямо в штаны. Причём балластом оказалось всё, что находилось в организме ниже уровня диафрагмы и не было закреплено скелетом намертво. Во-вторых, скорость передвижения трёх юных материалистов увеличилась до показателей, которые конструктор впоследствии, уже изучая сопромат, оценивал как близкие к первой космической. Они бежали так, словно каждый из них только что лично изобрёл реактивное движение и хотел немедленно продемонстрировать его на практике. Забор кладбища был взят с лёгкостью, недоступной даже олимпийским чемпионам по барьерному бегу. Колючая проволока, впившаяся в Колину штанину, была замечена только спустя три переулка.

И лишь позже, отдышавшись и перемотав плёнку на магнитофоне, юные исследователи пришли к выводу, что голос принадлежал не вождю мирового пролетариата, а сторожу дяде Васе, который в тот момент как раз искал, куда бы прилечь, и был немало удивлён, обнаружив на вверенном ему объекте трёх оболтусов, занимающихся какой-то мистической ерундой вместо того, чтобы, скажем, быть дома в своей кровати. Но опыт был получен. И опыт этот гласил: когда сбрасываешь балласт — летишь быстрее. Всегда. Физика, ничего личного.

Сейчас, спустя двадцать пять лет, конструктор шёл по утренней Москве и чувствовал ровно то же самое. Балласт вчерашнего дня — Египет, папка с бантиком, гипотеза, диспозиция и санкция и аромат пачули — всё это осталось там, за чертой, как остался за кладбищенским забором пьяный сторож дядя Вася. А скорость мысли, освобождённой от необходимости постоянно сверяться с регламентом, возрастала с каждой секундой. Мысли неслись вскачь, обгоняя друг друга, сталкиваясь, порождая новые идеи, и он физически ощущал, как его мозг, вчера ещё работавший в режиме процессора, загруженного спам-процессами, сегодня переключился в режим чистого творчества. Никаких тебе фоновых задач «не забыть согласовать ужин», «не забыть помнить годовщину того, что она сказала третьего марта», «не забыть, что забывать нельзя». Оперативная память свободна. Процессор гудит, разгоняясь до частот, недоступных простым смертным.

Он шёл не на Патрики — этот заповедник московских балбесов, где каждый квадратный метр брусчатки пропитан соревнованием «чей папа круче» и где разговоры о стартапах ведутся с таким выражением лица, будто доставка смузи — это филиал NASA, его ноги сами несли его в парк Фили.

Фили — это особое место. Парк Фили — это пространство, где природа, поняв, что с урбанизацией не справиться, решила договориться с ней на взаимовыгодных условиях, и результат этих переговоров оказался на удивление элегантным. Здесь аллеи не диктуют маршрут, а предлагают варианты, и в этом заложена важнейшая метафора: настоящий изобретатель идёт не туда, куда ведёт стрелка, а туда, куда ещё не протоптана дорожка. Воздух тут другой — не тот кондиционированно-переработанный, что в офисах, где любая свежая мысль погибает, не успев оформиться в техническое задание, а воздух, настоящий на листе, речной влаге и том особом ингредиенте, который не поддаётся химическому анализу, но без которого ни одно изобретение не обходится, — на свободе.

Над кронами, подобно техногенному обелиску, возносится гигантская конструкция — памятник инженерному гению, в котором угадываются черты то ли стартовой башни для космических ракет, то ли архитектурного манифеста, заявляющего: «Человечество будет здесь, даже если гравитация против». Она высится над парком не как чужеродный элемент, а как закономерное продолжение вертикальной оси, связывающей корни деревьев с чем-то запредельным. Смотреть на неё — всё равно что листать учебник по истории инженерной мысли, где каждая металлическая балка, каждый изгиб несущей конструкции нащёптывает: «Смотри, что бывает, когда кто-то решает творчески подойти к проектированию».

Это место было создано для тех, кто понимает: изобретательство — это не работа, это образ жизни. Здесь гуляют не для того, чтобы тратить время, а для того, чтобы инвестировать его в хаотичное блуждание мысли, которая именно в хаосе находит те самые изящные решения, что потом, задним числом, назовут гениальными. Здесь каждая скамейка, каждый мостик через овраг, каждый изгиб набережной Москвы-реки словно созданы для того, чтобы, присев на них, инженер мог внезапно воскликнуть: «Ну конечно!», — после чего немедленно полезть в карман за огрызком карандаша. И плевать, что записной книжки нет, а есть только чек из супермаркета — на обороте чека, как известно, помещаются самые прорывные идеи.

Именно здесь, в тени вековых дубов, чьи корни уходят глубже, чем фундаменты многих бизнес-центров, конструктор внезапно остановился. Мысль, та самая, что набирала скорость с момента его пробуждения, наконец достигла критической отметки. Она кружилась где-то на

границе сознания, готовая вот-вот оформиться в кристально чёткую фразу, но каждый раз, когда он пытался ухватить её за хвост, ускользала, оставляя лишь отчётливое, почти физическое ощущение близости чего-то важного. Он чувствовал: все эти разрозненные куски они складываются в единый узор. В один-единственный принцип, который объясняет всё. Который работает везде: в корпорации, в семье, в обществе, в голове у любого человека, пытающегося жить по чужому регламенту. Принцип был прямо здесь, за поворотом мысли, но стоило приблизиться — и он распадался на привычные обломки абсурда.

Где-то в кронах деревьев зашумел ветер. И в этом шуме, если очень внимательно прислушаться, можно было различить что-то похожее на одобрительный смех старого кладбищенского сторожа, который давно уже на том свете, но дело своё помнит крепко. А может, это просто ветер. Или тот самый принцип, который ещё не назван, но уже дышит в затылок.

Он стоял на аллее, глядя сквозь кроны на гигантскую башню, и вдруг спросил себя беззащитно и честно: а любил ли я её вообще?

И ответ пришёл мгновенно, безжалостный, как показания спидометра на трассе: да, любил. Любил так, как любят сложный механизм, который то работает, то клинит, но без которого уже не представляешь своей мастерской. Любил её утреннюю сонную гримасу, её привычку переставлять баночки с приправами в алфавитном порядке, её смех, которым она заражала всю кухню, даже когда он был явно не к месту. Он помнил, как она однажды, в приступе нежности, сказала ему: «Ты мой самый лучший чертёж». И он тогда чуть не заплакал от счастья — потому что чертежи были его языком, его религией, его способом объяснять мир.

Но потом Николай задал себе второй вопрос, более коварный: а она любила меня? И тут ответ не пришёл. Он завис где-то между «скорее нет» и «а какая разница?». Он вспомнил, как она однажды, сидя в гостях у подруги Карины, как бы ненароком обронила фразу про синицу в руке. Все засмеялись. Он тоже засмеялся, потому что в тот момент ему показалось, что это шутка. Сейчас, стоя под дубами, он понял: это был не смех. Это был диагноз. Она не любила его. Она терпела его. Как временный файл, который рано или поздно заменят на более удачную версию. А он, наивный инженер, всё это время думал, что он — финальная сборка.

Но странное дело — осознание это не обожгло горечью, а, напротив, принесло с собой кристальную, почти лабораторную ясность. Как будто из сложного уравнения наконец-то вынесли общий множитель за скобки, и всё вдруг сократилось до элементарной формулы. Николай даже остановился на секунду, прислушиваясь к себе — нет ли где-то там, в глубине души, затаившейся обиды или хотя бы лёгкой грусти? Но душа молчала, как отлаженный механизм, в котором только что заменили изношенную деталь. Наверное, подумал он с усмешкой, это и есть то самое пресловутое «принятие», о котором так любят говорить психологи из интернета. Только психологи обычно обещают, что принятие наступит после пяти стадий и как минимум трёх кредитов на терапию, а у него оно наступило само, где-то между бабой Зиной и кладбищенским сторожем дядей Васей. Бесплатно. И, кажется, навсегда.

Николай сел на ближайшую скамейку, не замечая, что на ней уже сидит голубь, который с явным неодобрением покосился на него и переступил с лапы на лапу.

Он перевёл взгляд на голубя, который к этому моменту уже вполне освоился и начал деловито выклёвывать что-то невидимое из щели в скамейке. Голубь был упитанный, серый, с тем характерным выражением наглого всезнайства на клюве, которое бывает только у голубей, проводших всю жизнь в парках с высокой проходимостью. Николай вдруг осознал, что этот голубь — идеальный слушатель. Ему можно рассказывать что угодно, он не перебьёт, не осудит и, главное, не вставит в разговор дурацкую реплику про «позитивную дискриминацию».

— Понимаешь, пернатый коллега, — доверительно обратился к нему Николай, — вся эта история, которую нам продают под видом «социальной справедливости», — это ведь на самом деле история про неправильно настроенный прибор. Представь: у тебя в лаборатории стоит спектрометр, который должен измерять уровень счастья. Ты в него закладываешь параметры:

«женщина», «мужчина», «возраст», «национальность», «наличие или отсутствие хвоста». И вместо того, чтобы измерить реальный спектр, он начинает выдавать заранее запрограммированный ответ в зависимости от того, кто перед ним стоит. Если женщина — «страдалица, надо спасать». Если мужчина — «угнетатель, надо наказывать». Это не измерение, это гадание на кофейной гуще! А мир-то устроен сложнее. И, что самое смешное, интереснее.

Голубь, которому, видимо, наскучила лекция по приборостроению, перелетел на спинку скамейки и уселся там, слегка наклонив голову — мол, давай дальше, но без заумных терминов.

— Хорошо, давай проще, — согласился Николай. — Вот смотри: я инженер. Я люблю, когда всё работает. Моя бывшая жена — она тоже, по-своему, инженер. Инженер собственной жизни. Она строила свой идеальный мир, и в какой-то момент я перестал вписываться в его чертежи. Это не трагедия, это техническая несовместимость. Как если бы ты пытался подключить USB-C к порту для картриджей от Dendy. Можно, конечно, долго пилить напильником, но проще купить переходник или, в нашем случае, разойтись по разным консолям. И знаешь, что? Это нормально. Более того — это единственно возможный вариант для взрослых людей, которые не хотят играть в игру «найди виноватого».

Он откинулся на спинку скамейки и посмотрел в небо. Облака над парком Фили двигались с той, величественной неспешностью, которая наводит на мысли о вечности, но не о суетной, а о той, где всё уже случилось и всё уже правильно. На вершине гигантской башни, пронзающей горизонт, играли солнечные блики — металл нагревался, и конструкция, казалось, слегка дышала, как дышит любое грандиозное сооружение, если в него вложили душу и точный расчёт. Николай вдруг понял, что смотрит на эту башню по-новому. Раньше она казалась ему памятником чужому инженерному гению, а теперь — не более чем напоминанием: человек способен построить всё что угодно, если его не отвлекают на написание объяснительных записок и не заставляют сверяться с четырёхсоттринадцатibalльной шкалой.

Голубь оценил обстановку и, видимо, решив, что с этого странного человека не перепадёт ни крошки, счёл аудиенцию оконченной и перелетел на соседнюю аллею. Николай проследил за ним взглядом и усмехнулся. Даже голубь, существо с мозгом размером с горошину, инстинктивно чувствует, когда разговор затягивается, и принимает меры. А люди? Люди готовы годами сидеть на одних и тех же лавочках, пережёвывая одни и те же обиды, и ждать, пока кто-то другой не придёт и не скажет им, что балласт давно пора сбросить. Но никто не придёт. И это, как ни странно, тоже часть принципа, до которого он сейчас докапывается.

Николай уже почти поднялся со скамейки, полный решимости немедленно отправиться домой и начать новую жизнь с чистого чертежа, но взгляд его, скользя по аллее, внезапно зацепился за соседнюю лавку — и замер. Там сидела женщина. Не «бабушка», не «девушка», не «представительница прекрасного пола с активной гражданской позицией» — а именно женщина, и в том, как она сидела, не было ровным счётом ничего от привычных категорий, которыми оперирует сознание среднестатистического москвича, уставшего от соцсетей. Ей можно было дать и тридцать, и тридцать пять, и даже ту самую трудноопределимую цифру, которую присваивают людям, переставшим суетиться по поводу возраста и просто живущим в ладу со своим календарём. В ней ощущалась та самая порода, которую московское коллективное бессознательное угадывает мгновенно — не по брендам, не по аксессуарам, не по выражению лица, а по какой-то молекулярной соразмерности всего: посадки головы, линии плеч, того, как точно и свободно она занимала пространство, ни на йоту не вторгаясь в чужое, но и не сжимаясь в извиняющийся комок, как это делают люди, вечно боящиеся кому-то помешать.

Одежда её была из той редкой категории, которую Николай, привыкший всё оценивать по техническим допускам, мысленно назвал «инженерной элегантностью». Никаких логотипов, никаких кричащих принтов, никаких намёков на то, что вещь должна сообщать окружающим о размере банковского счёта. Лёгкие прямые брюки из тонкого, струящегося льна песочного оттенка, сидящие с той точностью, какая бывает только у вещей, скроенных конкретно под

фигуру, а не под усреднённый манекен; простая белая блуза из тончайшего хлопка, который не мялся, а лишь мягко облегал плечи, и ни одной лишней пуговицы, ни одного намека на духоту — казалось, сама ткань дышала в унисон с утренним воздухом. На ногах — лёгкие замшевые лоферы глубокого синего оттенка, слегка припорошённые парковой пылью, но сохраняющие достоинство. Всё это вместе складывалось в образ, который не шептал и не кричал, а просто констатировал: «Я одеваюсь не для вас, я одеваюсь по погоде и для себя, и я знаю, что такое качество». Москвичка, несомненно. Из тех, чьи бабушки носили шляпки даже в булочную, а дедушки помнили ещё те времена, когда слово «интеллигент» не было ругательством.

В руках у неё была книга. Николай присмотрелся — Библия. Не какое-нибудь карманное издание с золотым обрезом и кожаным переплётом ручной работы, достойное антикварной лавки, а обычный, стандартный томик в черной обложке, из тех, что продаются в отделах «Духовная литература» крупных книжных магазинов. Она читала её не торопясь, с тем особым спокойным вниманием, с каким читают не для галочки и не для того, чтобы потом блеснуть цитатой в разговоре, а просто потому, что текст сам по себе — достаточная ценность. Иногда она поднимала глаза к кронам деревьев, словно сверяя прочитанное с тем, что видит вокруг, и тогда её лицо озарялось едва заметной, почти бесплотной улыбкой, предназначенной явно не для внешнего наблюдателя, а для какого-то внутреннего собеседника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.